

ГИНЬЕВРА

Леодогран, правитель Камеларда, терпел от языческих орд одно поражение за другим. Земли его были разорены. В лесах расплодился дикие звери, и никто в королевстве не решался ступить на лесные тропы. Было ясно: Камелард погибает. Леодогран совсем пал духом. Но тут он узнал о коронации Артура и не раздумывая отправил королю послание, в котором говорилось: «Приди скорее, Артур, и помоги моему несчастному народу, жестоко терпящему от людей и зверей».

Юный Артур к тому времени ещё ни разу не вёл войны, но, вняв зову, тотчас же пришёл в Камелард вместе со своими верными рыцарями. Гиньевра стояла тогда возле крепостной стены и любовалась на движение рати. Но Артура она не смогла узнать, ибо его доспехи ничем не отличались от доспехов других рыцарей, а лицо было закрыто забралом. Зато Артур сразу же заметил Гиньевру, и свет её очей с этого момента навек озарил

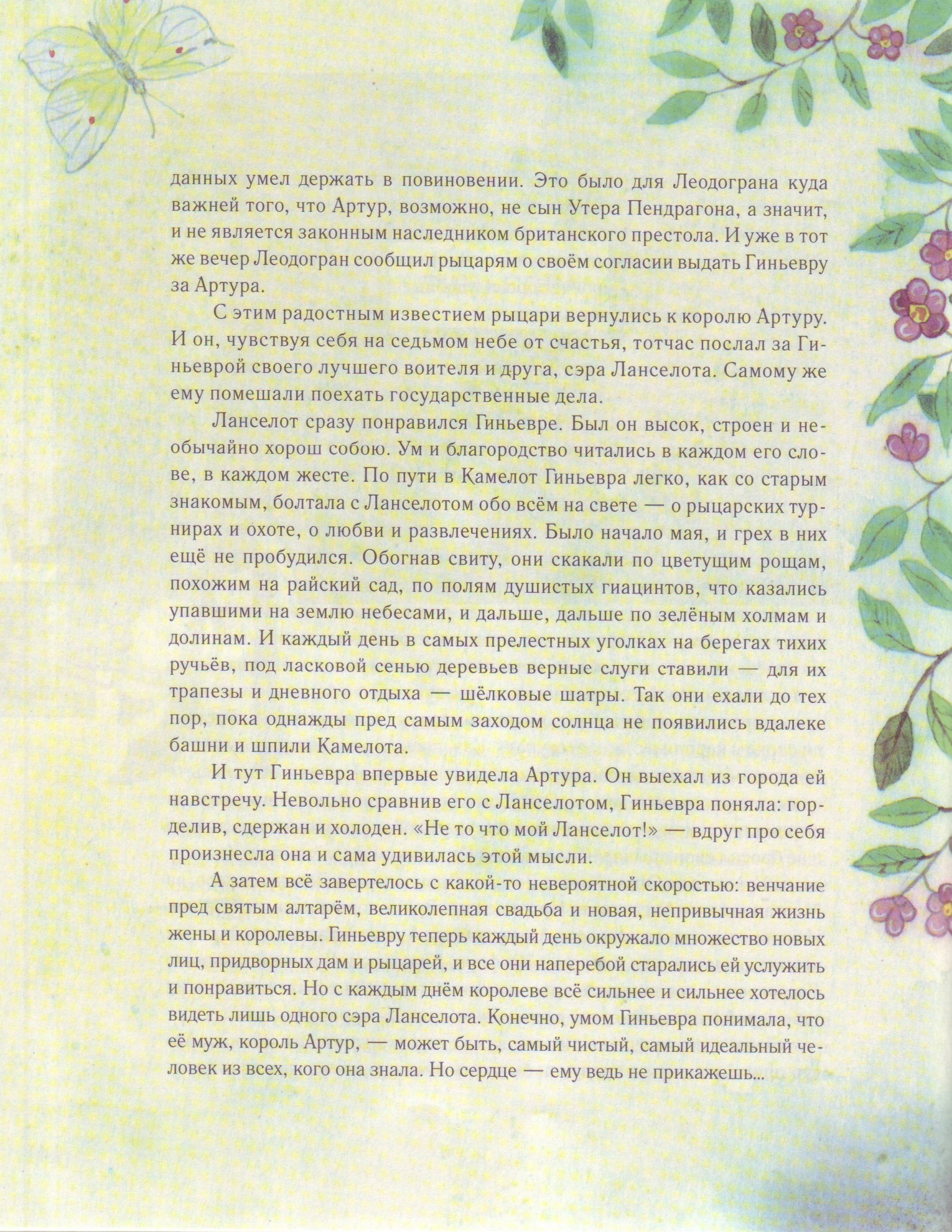
его душу. Но он, верный долгу, не остановился, не оглянулся, только спросил у одного из рыцарей: «Кто эта прекрасная дева?» — и, получив ответ: «Дочь короля Леодограна», тотчас, не оборачиваясь, поскакал дальше. Затем он разбил вражеские полчища, очистил от зверья окрестные леса, проложил сквозь них широкие дороги, удобные для рыцарей и охотников, и со славой вернулся в свои владения.

И всё это время мысли о Гиньевре не покидали его. «Она должна стать моей женой, — думал он. — Только с ней я буду счастлив. Сейчас я кажусь себе песчинкой в огромном мире. И мне одному не под силу осуществить мои желания. Но если мы с ней соединимся и станем единым целым, то, уверен, любовь и единая воля позволят нам осветить эту тёмную землю и оживить этот мёртвый мир». Однако совершить задуманное ему пока что никак не удавалось. Ибо его вассальные лорды, не верившие, что Артур — сын Утера Пендрагона, и считавшие его самозванцем, в те дни объединились с десятком мелких королей и выступили против него войной.

Когда Артур подъехал к полю, где располагался вражеский стан, воздух был столь прозрачен, что король мог различить каждый камень на далёком холме, а в небе — мерцание утренней звезды. И едва Артур поднял над головой стяг, как на него под звуки труб и барабанов, от коих стыла кровь, со всех сторон помчались вражеские копьеносцы. Дрогнули отряды короля и стали отступать. Казалось, что победа ускользает от Артура и ему уже не удастся изменить ход битвы. Но тут вмешались те силы, что управляют миром. Они ослепляли коварных врагов молниями и гремели громом до тех пор, пока Артур не собрал разрозненное войско и не бросил своих рыцарей на королей Карадоса, Крадлемонта и Кларенса, на Урьена и на Оркнейского Лота, на Брандагораса Латангорского, на Морганора и на Ангвисанта Ирландского. Враги попятились, побежали. И вновь отпраздновал король Артур победу. А затем отправил трёх своих верных рыцарей, чьи имена — Ульфиус, Брастиас и Бедивер, к королю Леодограну с посланием, в котором говорилось: «За то, что я послужил тебе верой и правдой, отдай за меня дочь твою, Гиньевру».

Леодогран, прочитав письмо, думал не слишком долго. Король Артур пришёлся ему по нраву: он был хоть и молод, но могуч и своих под-

данных умел держать в повиновении. Это было для Леодограна куда важней того, что Артур, возможно, не сын Утера Пендрагона, а значит, и не является законным наследником британского престола. И уже в тот же вечер Леодогран сообщил рыцарям о своём согласии выдать Гиньевру за Артура.

С этим радостным известием рыцари вернулись к королю Артуру. И он, чувствуя себя на седьмом небе от счастья, тотчас послал за Гиньеврой своего лучшего воителя и друга, сэра Ланселота. Самому же ему помешали поехать государственные дела.

Ланселот сразу понравился Гиньевре. Был он высок, строен и необычайно хорош собою. Ум и благородство читались в каждом его слове, в каждом жесте. По пути в Камелот Гиньевра легко, как со старым знакомым, болтала с Ланселотом обо всём на свете — о рыцарских турнирах и охоте, о любви и развлечениях. Было начало мая, и грех в них ещё не пробудился. Обогнав свиту, они скакали по цветущим рощам, похожим на райский сад, по полям душистых гиацинтов, что казались упавшими на землю небесами, и дальше, дальше по зелёным холмам и долинам. И каждый день в самых прелестных уголках на берегах тихих ручьёв, под ласковой сенью деревьев верные слуги ставили — для их трапезы и дневного отдыха — шёлковые шатры. Так они ехали до тех пор, пока однажды пред самым заходом солнца не появились вдалеке башни и шпили Камелота.

И тут Гиньевра впервые увидела Артура. Он выехал из города ей навстречу. Невольно сравнил его с Ланселотом, Гиньевра поняла: горделив, сдержан и холоден. «Не то что мой Ланселот!» — вдруг про себя произнесла она и сама удивилась этой мысли.

А затем всё завертелось с какой-то невероятной скоростью: венчание пред святым алтарём, великолепная свадьба и новая, непривычная жизнь жены и королевы. Гиньевру теперь каждый день окружало множество новых лиц, придворных дам и рыцарей, и все они наперебой старались ей услужить и понравиться. Но с каждым днём королеве всё сильнее и сильнее хотелось видеть лишь одного сэра Ланселота. Конечно, умом Гиньевра понимала, что её муж, король Артур, — может быть, самый чистый, самый идеальный человек из всех, кого она знала. Но сердце — ему ведь не прикажешь...

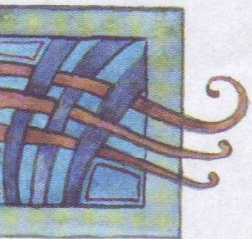
Вскоре Гиньевра стала постоянно вызывать Ланселота к себе, словно бы для обсуждения важных королевских дел, и всячески выказывала величайшему рыцарю своё расположение. И Ланселот отвечал ей с великой охотой. Ведь и сам он с того момента, когда впервые её увидел, был влюблён в королеву. Так Ланселот стал верным рыцарем Гиньевры. Он сопровождал её во время псовой и соколиной охоты, гулял с ней по саду за стенами королевского замка и, побеждая в одном турнире за другим, выигрывал для неё все главные награды.

Такие их отношения продолжались год за годом, и почти все считали, что так оно и должно быть, даже сам король Артур. И на каждом пиру кто-нибудь обязательно поднимал тост за Ланселота и Гиньевру и говорил, что они являются идеалом рыцаря и дамы. Ведь, как известно, в те далёкие времена истинный рыцарь обязан был поклоняться именно замужней даме. Он дарил ей цветы, посвящал ей любовные баллады и защищал в случае непредвиденной опасности. И всё это делал совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен. Так что и рыцарь, и его дама оставались обычно непорочными.

Конечно, Ланселот и Гиньевра довольно часто встречались и по ночам, но делали они это втайне от всех, дабы избежать беды. Однако понятно, что до бесконечности так продолжаться не могло. Ибо сколько верёвку ни вить, а концу быть.

Сэр Модред, племянник короля Артура, ненавидел всех вокруг, но более других — короля Артура, Гиньевру и Ланселота. Короля — за то, что он король. Гиньевру — за её красоту и любовь к сэру Ланселоту. А Ланселота — за силу, мужество и благородство, то есть за те качества, которых у самого Модреда не было и в помине. И задумал Модред всех троих погубить, для чего стал приглядываться и прислушиваться ко всему, что делалось и говорилось в Камелоте.

И вот однажды он, одетый в зелёную одежду, чтобы выглядеть менее заметно, весь — глаза и уши, взобрался на садовую стену, надеясь получить очередной повод для сплетни. В тени деревьев Модред увидел Гиньевру. Она о чём-то оживлённо беседовала с двумя придворными дамами. Одной из них была коварная Вивьен, та самая, что в дальнейшем погубила великого Мерлина. Но больше Модред ничего

не успел заметить. Ибо Ланселот, который в это время проходил мимо, углядел шпиона, таящегося в цветущей зелени, и, как садовник вытаскивает зелёных гусениц из вилок капусты, стащил его за пятку со стены и бросил, точно червяка, наземь. Когда Ланселот понял, что перед ним принц крови, то, уважая в этой мерзкой твари кровь короля, принёс ему как рыцарь свои извинения, притом без всякой насмешки. Дело в том, что в те времена истинному рыцарю насмешки были чужды. Насмешка дозволялась только горбатому или кривому, ибо люди, не имевшие изъянов, считали её продолжением уродства.

Принц дважды или трижды попытался встать на ноги, но сделать это ему никак не удавалось: колени его были разбиты. Тогда сэръ Ланселот помог ему подняться и ушёл. Но воспоминание об этом дне позора постоянно терзало душу Модреда, не давая ни спать, ни жить. Модред всё время думал, как бы отомстить этому слишком уж благородному сэру Ланселоту.

Меж тем Ланселот поведал обо всём случившемся королеве. Представив, как Модред свалился лицом в пыль, Гиньебра сначала беспечно рассмеялась, но тут же задрожала, ибо вдруг поняла, что Модред, этот хитроумный змей, теперь начнёт следить за каждым её шагом и, обнаружив грех, покроет её доброе имя позором.

С тех пор Гиньебре было невыносимо видеть Модреда, весь его лисий облик, холодную, фальшивую улыбку и сверлящий взгляд серых, почти бесцветных глаз. И с тех же самых пор в душе королевы поселился страх, который не оставлял её ни днём ни ночью. Теперь Гиньебре постоянно снился один и тот же сон. Она стоит одна посреди неоглядной равнины и вдруг замечает: отделившись от солнца, летит к ней какое-то странное призрачное пятно. С каждой минутой это пятно всё приближается, увеличивается и наконец своей гигантской тёмной тенью касается её. Королева в ужасе отворачивается, но тут же видит, что её собственная тень с невероятной скоростью разрастается, заглатывает чернотой всю землю, и в наступившей тьме пылают далёкие замки и города.

Тут королева обычно с криком просыпалась. Но облегчение не приходило. И снова она думала о себе и Ланселоте, о безгрешном ко-

роле Артуре и коварном Модреде. Наконец, измучившись, она сказала Ланселоту, когда однажды они остались одни:

— Любимый, вернись в свои владения. Сплетни пока чуть тлеют. Но, если мы будем встречаться и дальше, они, разгоревшись огнём, станут известны всему двору и королю Артуру.

— Хорошо. Я сегодня же уеду, — ответил Ланселот, но слова своего не сдержал и остался.

И снова они встречались. Но страх, таящийся в душе Гиньевры, лишал её радости. Тогда королева вновь сказала Ланселоту:

— Коль любишь меня, уезжай!

И решили они: в ночь, когда короля Артура не будет в замке, встретиться в последний раз и распрощаться навек.

Но коварная Вивьен подслушала их разговор и передала его Модреду.

Друг и родственник Ланселота сэра Борс, который был в курсе всех его дел, сказал ему:

— Не ходи сегодня к королеве. Чувствую, Ланселот, там тебя ждёт беда.

Но Ланселот не послушался друга.

— Я должен идти, — ответил он. — Не могу я уехать, не простившись с любимой.

И когда пробило полночь, Ланселот отправился в покои королевы на вершине башни. Был он без доспехов, только опоясан мечом, не раз служившим ему верой и правдой. Придя туда, он взял Гиньевру за руки, уселся на краешке её постели и молча глядел в её глаза, в которых читались любовь, боль и безысходность. Вот таким было их прощание.

И тут вдруг за дверью послышались шаги — множество шагов — и визгливый голос, в котором Ланселот сразу узнал Модреда, крикнул:

— На этот раз, изменник, ты попался! Выходи!

Гиньевра побледнела и изо всей силы сжала руки Ланселота:

— Что нам теперь делать?

Ланселот подошёл к окну и взглянул вниз. Даже связав все простыни, все платки и рубашки, что были в спальне, невозможно было спуститься на землю, так было высоко. К тому же внизу стояли рыца-

